

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

141

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 141

TRIMESTRIEL

I - II - 1984

ПЯТЬ ПИСЕМ С.Н. БУЛГАКОВА К В.В. РОЗАНОВУ*

1

Киев, Б. Житомирская, 26
21. 3. 06

Добрейший Василий Васильевич! Начинаю это письмо с извинения перед Вами, что в дек. кн. "В[опросы] Ж[изни]" не попало окончание Вашей статьи. Это произошло не только помимо моего ведома, но и к искреннему моему огорчению, — дать окончание начатых статей, и в том числе Вашей, было для меня мотивом, по которому я особенно настаивал на необходимости выхода 12-ой книги.¹ Приступая вместе с Зеньковским к опыту издания ежедневной религ.-общественной газеты в Киеве,² мы просили бы Вас уступить нам статью Вашу об Иисусе etc., оттиск которой у меня есть. В случае Вашего согласия, статья эта будет аннонсирована в перв. (пасхальном) номере. Кроме того, если Вы признаете возможным придать вид внешней законченности и самостоятельного целого (хотя в какой-то степени) окончанию статьи о письмах Соловьева, то и она сможет найти себе приют на наших столбцах.

Жму Вашу руку. Передайте мой привет В. Дм.,³ которой желаю восстановления здоровья; слышал об ее болезни.

Ваш С. Булгаков.

Обязете скорым ответом.

2

Москва, Б. Афанасьевский пер., д. 22, кв. 12
11. 4. 12

Дорогой Василий Васильевич!

До сих пор не мог поблагодарить Вас за присылку Вашей книжки¹ и за дружественную надпись (хотя и немного фантастическую: "эс-эром"

* См. в "Вестнике" № 130 публикацию семи писем С. Н. Булгакова к В. В. Розанову, относящиеся к военным годам (1914—1915).

никогда не бывал, ни политически, ни психологически, был "эс-деком", а это разница). Причина моего молчания крайне житейская, но именно потому самая реальная: была больна дочь дифтеритом, и я не мог писать никому, пока не кончился срок карантина. "Из глубины воззвах к Тебе, Господи!" И в этой глубине я провел и Страстную, и Пасху. Сами знаете, как это бывает!

В уединении своем прочел я и "уединенную" книжку Вашу, которая, действительно, на правах рукописи и даже странно представить себе ее продающейся в магазинах: "цена столько-то". Изобретение Гутенберга не всегда годится. Но тем интереснее книжка для Вас знающих, и чем интимнее, тем интереснее, поучительнее, жизненнее. Конечно, мне особенно близка вторая ее половина. Вы знаете, я не нахожу аромата в обостренном сексуализме, "[неразб.]". Это не отрицание пола, напротив, из признания святости пола, "тайны во Христа и в церковь" для меня вытекает чувство отравленности сексуализма: "в беззакониях зачат есмь и во грехах роди мя мати моя". И сексуализм фаллический несет в себе естественное, природное проклятие: это "огнь неугасающий и червь неусыпающий". И это несмотря на святую детскости, которою лишь освящается и искупается сексуальность. И это чувство было и в Ветхом Завете, а не только в Новом. Не думаю убедить Вас, но каждый вынашивает в жизни свою "половую" мудрость...

Ваше письмо "путникам из Пути" стало мне известно, по указанным причинам, тоже только недавно. Редакционный комитет Пути деловым образом его не обсуждал, но только Вы совершенно напрасно сочли себя обойденным Путем: ведь это не журнал, который приглашает сотрудников, а повести с Вами переговоры не было случая. Мы надеемся иметь Вас, если Вы согласитесь, участником одного из наших сборников (быть может, о русских мыслителях, — кстати, не имеете ли Вы кого-нибудь, о ком Вам особенно хотелось бы написать, — я с ревнивой завистью читал Ваш очерк о Леонтьеве, — очень хорошо!²). Что же касается книг, о которых Вы говорите, то их, во-первых, надо перечитать, во-вторых, и в случае принятия Вам долго пришлось бы ждать издательской очереди, ибо средства наши ограничены, а очередь длинна.³ Но повторяю, это вопрос [неразб.]

Привет Варваре Дм., если она меня помнит. Вы мне сделали слишком много чести, приписав мне "Катонство", увы! его нет!

С. Булгаков.

Дорогой Василий Васильевич!

Спасибо Вам за память и за книгу Вашу; большую часть ее я уже знал раньше, а теперь многое перечитал.¹ Это книга с необыкновенной, совершенно исключительной религиозной музыкальностью, она способна открывать глаза на религию слепым к ней. Но религия Ваша — не моя религия, и мое сердце, больное не только личной болью, но, думается, и мировой, неотразимо влечется к Распятому и Распинающемуся, коего Вы в книге своей гоните — за то, что от Него будто бы Тень упала на мир и на жизнь, что светлый ветхозаветный мир им упразднен. Но этого беспечального мира и нет и не было, иначе как на короткие мгновения или для жизненной наивности [?]. Трещина в самом мире и в человеческом сердце, да и в ветхозаветном тоже. Она в *Иове* и в *Экклезиасте* в *Псалмах*, и в *пророках*, нет этой, Вами рисуемой, идиллии. И эта тень, падающая на мир, так страшна, трещина в сердцах так глубока, трагедия так раздирающая, что от всего этого ужасалась, стенала и отчаивалась самая чуткая часть и древнего (Ананке, Мойра) и ветхозаветного, и восточного человечества. И мир принять, и в его преобразование поверить, и принять Бога, этот мир создавшего и исказить его злом в предвечном плане попустившего, можно только припоминая вместе, что в этом же предвечном плане решена была и Голгофа, и "так возлюбил Бог мир, что и Сына Единородного не пожалел", и жертвенная решимость Сына. Чем больше живу, "мыслю и страдаю", тем яснее вижу сердцем и умом, что вне Христа, любящего и распинающегося (чего Вы в Нем не хотите видеть, упорно подчеркивая только "сладость" Его, — да, Он и сладчайший для Его возлюбившего) мир "не стоит безумной муки", вернее, не может сам за себя постоять, и все летит верх тормашками. Я не монах, которых Вы так не любите (хотя в сердце каждого христианина есть частица монаха), я люблю своих близких, друзей, Россию, но *темного* лика мира, точнее, мирового Зла, впивающегося в душу, не могу преодолеть иначе как взирая на светлый и благостный Лик. И Вы *темный* лик увидали не там, где он есть. Мне кажется, что и Вы сами, когда для Вас показывался "иной берег", чувствовали, как колеблется почва "мира" под ногами, Ваш полусочиненный "ветхозаветный мир" оказывается призраком. Мир есть мир благого Отца, но и распятого в нем Сына. — Все это пишу

не для возражения или переубеждения Вас, но по искренности и внутреннему вниманию к мысли Вашей, в знак благодарности за книгу. Если удастся, б. м. затрону эти вопросы в журнале. На днях беседовал о Вас с Вашим поклонником, а вместе и антагонистом П. А. Флоренским.

Желаю доброго здоровья Варв. Дм. или, по крайней мере, поправления, кланяйтесь ей.

Ваш Булгаков.

4

Москва. Зубовский бульв., 15

Дорогой Василий Васильевич!

Поздравляю Вас с новым годом (и б. м. с днем Ангела?) и желаю Вам мира, тишины и ясности ("на свете счастья нет, а есть покой и воля"). Слышу все время о тяжелой болезни В. Дм., от души желаю ей выздоровления, а вместе с нею и Вам, — не знаю, кто больше болен, — болящий или близкий к нему. Изведал это по опыту. Передайте В. Дм. мои поздравления и благопожелания.

Благодарю Вас за книжку¹ и записочку, которая меня оч. тронула. Признаться сказать, я совершенно забыл о своем разговоре с Вами о Суворине (как Вы забыли споры наши за уроками в Елецкой гимназии). Между им и теперешним моментом стоят не только 10 лет жизненного опыта, но и 1905—7 год, — это — несколько жизней. И поэтому то, что было раньше, надо просто забыть. Дело здесь не в впечатлительности, ибо у кого ее нет, — разве Вы сами в 1905—7 гг. не капитулировали, и притом непостижимым для меня образом, пред "левизной" и не разъясняли, "почему левые побеждают"? — но в перемене жизненных перспектив и связанных с нею переоценок.

— Что касается Суворина, то уже после смерти его я, имея живейший интерес к его личности, и именно в том смысле, как Вы ее растолковываете, а еще больше письма его, нарочно достал все номера Н[ового] Вр[емени], где было что-то о нем, читал и Ваши статьи тогда же, перечел и теперь с живейшим интересом. И, конечно, я не слеп, чтобы не видеть подлинные жемчужины-"черточки", рассеянные в его письмах к Вам, и слишком хорошо знаю среду

литературно-ученую, к которой внешне принадлежу, но внутренне чужд больше, я думаю, чем всякому иному русскому сословию, чтобы иметь материал для сравнения. То, что в нем Вы указываете, очевидно и несомненно в нем было, и это делает для меня понятной как личную Вашу привязанность, так и такого человека как Чехов. Но не скрою, что и при этом он, со всеми своими созданиями, мне чужд. Считайте это узостью или пуризмом, как хотите, но мне это "и" (и газета, и театр, и магазин, и справ. издания, и одно другое тащит) претит, это не многострунность, но многоделание, это, если и мудрость, то житейская, и в этом смысле, как ни парадоксально, самым талантливым замыслом С. были "вся Россия", "Москва", "СПБ". И *чин* Н. Вр., как "парламента мнений" (хотя уважение С. к личности и требование искренности есть черты высокие), где опять одно тащит другое, мне чужд как программа. Должен оговориться, что я вообще не люблю газеты, а, как читатель, нахожу Н. Вр. одной из интереснейших, если не прямо интереснейшей, а все-таки чище на душе, когда поменьше читаешь газеты и газету (говорю это Вам, п. ч. Вы ведь не газетный писатель, хоть и пишете в газетах, да и, кроме того, пишу не как к писателю, а как человек к ч-ку).

Вот не знаю, удовлетворил ли Вас. Во всяком случае мир праху его. Цветкова² сейчас в Москве нет, он на Кавказе.

Случайно или же из тенденциозного предубеждения, конечно, несравненно более неосновательного, чем о Суворине, я не имею от Вас книги "Люди лунного света"? Я спрашиваю об этом не потому, чтобы хотел иметь книгу даром, я ее купил еще в первом издании и прочел почти не отрываясь. Я глубоко не согласен с толкованием христианства, нахожу, что отдельные черты, делающие эту книгу безвредной лишь для взрослых и женатых, также могли бы в ней отсутствовать, но по мысли считаю эту книгу самым центральным и значительным из Всего Вами написанного, как Вы и сами, конечно, считаете. — Посылаю Вам маленькую заметку о выборах, она так мала, что Вы можете прочесть, она дает [неразб.] того, что у меня на душе о России.

Всего Вам доброго. Жму Вам руку.

Ваш С. Булгаков.

P.S. Еще: зачем Вы так ругаетесь в примечаниях: "дурак Рубакин"³ — да если и вправду дурак, то ведь это "обижает лицо человека", что Вы так строго и справедливо осуждаете. И затем, не смешивайте Вы

Струве⁴ со всей этой компанией, ибо он хотя и доктринер несколько, но человек благородный и любящий Россию так, как ее следует любить. Поверьте мне, я знаю его более 15 лет, и ни разу в нем не колебался.

5

Москва. Зубовский бульв., 15, кв. 11

Дорогой Василий Васильевич!

Спасибо Вам за книги и еще больше за дружеское письмо с печальной повестью о скорбях Ваших. Кое-что я знал и раньше от общих друзей, хотя и не во всех подробностях, Вами теперь сообщаемых. Какое горе! Я могу себе представить, что Вы переживаете и что теперь у Вас на душе, п. ч., хотя и не был в Вашем положении, но знаю, что значит страдать за близких. И в самых тяжелых, а вместе и самых серьезных случаях жизни никто не может помочь, только сам человек, насколько услышит в душе Бога, может утвердиться в нем. Это не мораль и не гомилетика, а хоть немножко, но жизненный опыт. Если будете писать, то не забывайте извещать о здоровье В. Дм., которой прошу передать сердечный привет. При свете Вашего письма многие страницы из "Уединенного" как будто наливаются слезами...

Вполне схожусь с Вами в оценке московской молодежи. Фактически Вы не правы, приписывая все влиянию о. Павла,¹ напр. на Андреева² не меньше, а, пожалуй, и больше было влияния М.А. Новоселова.³ Но от этого сам о. Павел не становится меньше, вообще это совершенно единственный в своем роде человек, и не знаю даже, что сильнее во мне: любовь или уважение, смешанное с удивлением. Это, бесспорно, один из тех, о ком история будет писать "жизнеописание", если не "житие", причем все в нем будет казаться естественным, логичным, само собой разумеющимся, так, как нам кажется естественным, что Платон вел жизнь Платона, а не дюжинного грека, какой жили "все", или Савонарола шел путем Савонаролы, а не оставался рядовым феррарским дворянином. Это, несомненно, так. Дай Бог ему здоровья, а прочее приложится! Цветкова я очень люблю, но, думается, что Вы преувеличиваете его литературную, так сказать, глубину, хотя письма его хороши. Он одарен каким-то безошибочным инстинктом (я его раз Алешей Карамазовым назвал!),

однако инстинкт есть необходимая, но темная, подсознательная основа таланта. В одних отношениях он совсем взрослый и понимает все, а в других все-таки желторотый мальчик, эта двойственность в нем поражает. Я считаю, что его надо беречь и, между прочим, от похвал и, пожалуй, до времени от литературы, а особенно от газеты, в этом я с Вами не схожусь и даже просто боюсь, как бы при преждевременном вычерпывании дно не обнажилось раньше, чем думали. Пусть зреет в тишине! И, все-таки, смотря на этих юных, которые уже нашли свой путь и суть уже люди с "обрезанным сердцем", посвященным Богу, и когда вспоминаешь всю муть и неясность своей собственной души в этот возраст, то становится и завидно, и радостно. Прошлое неистребимо, ибо оно есть всегда в нас, есть и наше настоящее, и это — мы сами. — Отдельные ласточки хороши, но все состояние России ужасно: чем больше живу, тем больше ноет, болит душа за Россию: устоит ли? не загниет ли от всех ядов, которыми отравлена? Страшное время мы живем. Или уж всякое время по-своему страшно (а по-своему и радостно) для своих современников?

Читал приложение к "Людям лунного света" и по этому поводу опять думал о Ваших идеях. Что в них содержится ключ, открывающий страшно многое, в этом постоянно убеждаешься в жизни. Но что приравнивание пола сексуальности совершенно ложно, ибо сексуальность есть лишь выражение пола, в известном смысле его болезненная маска, это для меня тоже несомненно, и чувства непосредственной праведности сексуальности нет не только у имярека, но и ни у кого, ибо, как сами Вы говорите, нет чистых половых типов, и во всяком самце или самке, заслуживающих за свою половую жизнь 5+, всегда вкраплен хотя маленький скептический минус "ино-польности", стыд своего пола. И в этом — чувство не-абсолютности, неокончателности сексуальности. Детскость и половое общение не одно и то же, а только неразрывно связаны, также и любовь, хотя и ведет к нему, но тоже его чуждается: вспомните, как ужасна эта мысль для первой, глубокой и чистой любви (я до сих пор помню это чувство!). И христианство, поэтому, не внепольно, а лишь сверх-сексуально в своих высших устремлениях, но сексуальность не исчерпывает пола. И Ветхий Завет вовсе не так сексуален, как у Вас: вспомните: "в беззакониях зачат есмь, и во грехах роди мя мати моя", — этот всечеловеческий вопль принадлежит, ведь, Давиду, а вовсе не "урнингу" какому-нибудь. И чем это отличается от христианской молитвы в чине очищения роженицы, где Церковь просит: "и не вмени ей греха сего" — ребенка берет, и грех

отмечает. Мы сотканы из противоречий, а Вы их хотите одолеть биологией! И разве величайшие ветхозаветные пророки Илия и Иоанн не девственники? Разве когда Моисей ведет народ свой и всходит на Синай, вспоминаем мы о Сепфоре? Но, в то же время, и эти, и другие подобные им святые не перестают быть мужчинами, разве природа их менее мужественна?

Ну, прощайте, Василий Васильевич, извините за запоздалый ответ, мне приходится вести слишком суетливый внешне образ жизни, и написать письмо не всегда досужно.

Еще раз желаю Вам благополучия и жму руку.

Ваш С. Булгаков.

ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо 1.

1. Публикация писем В. С. Соловьева к В. В. Розанову — начата в "Вопросах Жизни", №№ 10—11, 1905, закончена в журнале "Золотое Руно", №№ 2 и 3.
2. Подробно об этом проекте рассказал В. Зеньковский в своих воспоминаниях, напечатанных в "Вестнике РХД", № 139.
3. Варвара Дмитриевна Руднева, вторая жена Розанова и мать его четверых детей. Несмотря на болезнь (рак), повлекшую за собой частичный паралич, пережила мужа.

Письмо 2.

1. Речь идет о книге "Уединенное".
2. О каком очерке идет речь, уточнить трудно. Розанов писал о Леонтьеве неоднократно; впервые в связи с публикацией их переписки ("Русский Вестник", №№ 4—6 за 1903; перепечатана в Лондоне в 1981 г.). См. также его отклик на книгу К. Леонтьева "О романах гр. Л. Н. Толстого" под заглавием "Неоценимый ум" ("Новое Время", № 12669, 21 июля 1911 г.).
3. Сотрудничество В. Розанова с издательством "Путь" не состоялось.

Письмо 3.

1. Вероятно, речь идет о книге "Темный лик. Метафизика христианства", СПб, 1911, 285 стр.

Письмо 4.

1. "Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову (Вступительная статья и примечания В. В. Розанова)", "Новое Время", 1913, 183 стр.
2. Цветков Сергей Александрович. Критик, исследователь, издал в 1913 г. (изд. "Путь") книгу В. Ф. Одоевского "Русские ночи". После революции работал над составлением библиографии В. Розанова. Умер в Москве в 1964 г., к концу жизни перешел в католичество.
3. Рубакин Николай Александрович (1862 – Ораниенбаум, – 1946 Лозанна), книговед, библиограф, крупнейшее его произведение – "Среди книг", т. 1–3, М., 1911–15.
4. Струве Петр Бернгардович (1870–1944), экономист, политик, мыслитель. Дружба с С. Н. Булгаковым продолжалась всю жизнь.

Письмо 5.

1. Отец Павел Флоренский.
2. Андреев Федор Константинович (1888–1929). С IV курса СПб Инженерного института перешел в Московскую Духовную Академию и стал впоследствии профессором философии. В 1924 г. принял сан священника. В 1927 г. примкнул к "иосифлянской группе", отложившейся от митр. Сергия. В 1928 г. был арестован, умер на свободе в апреле следующего года. На похоронах его собралась многотысячная толпа.
3. Новоселов Михаил Александрович (род. в 60-х годах – умер около 1940) – профессор классической филологии Московского Университета, пришел к христианству через толстовство. В 10-х годах он издавал в Вышнем Волочке популярную серию под названием "Религиозно-нравственная библиотека". В 1928 был арестован, посажен в Ярославский изолятор на 10 лет, затем отправлен в ссылку, где и умер.